

Собиратели

На что способны меланхолики

Городок не скрывает своих тайн и красот. Прямо на столичной трассе стоит Музей с. 59
утога. Может быть, никто, кроме местных, и не знал бы про музей, если бы однажды известный телеведущий Михаил Ширвиндт не прельстился за границей крохотным уютячком и не стал их собирать. Тогда-то Михаилу и рассказали про странного парня Андрея Воробьёва из Переславля-Залесского, у которого можно разжиться уютягами, и Ширвиндт вытащил Андрея Воробьёва на телевидение. Забавный музей попал в перечень городских достопримечательностей.

Ничего странного в Андрее как будто бы нет, кроме возраста. Три года назад наш журнал писал об уютягах, и за три года с Андреем, с которым мы тогда познакомились, не произошло никаких перемен. На вид ему чуть больше двадцати, на самом деле — тридцать один. Когда лет шесть назад Андрей начал собирать уютяги, многие крутили пальцем у виска. Однако Воробьёв никого не слушал, занимался тем, что ему нравится. Почему-то не тянуло его ни в банковское дело, ни к компьютерам, ни в диск-жокеи, ни в бизнес.

Он улыбочив, но немногословен, в общий бурный разговор не вмешивается, стоит в стороне. Его как будто бы и нет, а вот музей — есть... Его отчим, Борис Кузьмич Абрашкин, говорит, что Андрей всегда такой был, никогда ничем особенным не выделялся: стёкол не бил, в чужие сады не лазил, не дрался, не кланчил денег, учился, не напрягая родителей. Но в седьмом классе почему-то пошёл работать, а когда вполне обеспеченные мама с отчимом спросили, зачем это нужно, по обыкновению смолчал.

— Батя прав, — подтверждает Андрей. — Семья у нас не бедная.

Было, однако, у Андрея на уме что-то своё. И поступал он всегда по своему разумению. Действовал настойчиво, спокойно и целеустремлённо. Это Андрей настоял на покупке дома под музей. Не так уж старомоден этот парень, если сообразил, что недвижимость, вернее то, что от неё осталось после пожара — обгорелые бревенчатые стены и остов печки, — у города надо брать. Администрации оказалось не под силу отстроить заново на главной улице деревянный особняк середины XIX века. Андрей же счёл, что его «небедная» семья справится.

И семья подчинилась. Мама Жанна Алексеевна всю жизнь собирала картины. Жили они тогда напротив Дома творчества художников. Художники и скульпторы заглядывали на чашку чая (и академики захаживали), кто-то дарил свои работы, какие-то Жанна Алексеевна покупала, многие полотна с годами росли в цене. Но когда они приобрели чёрные купеческие стены, Жанна Алексеевна свою коллекцию продала. Зато дом отстроили.

— Я сам инженер-строитель, но в это время болел, в больнице лежал, — рассказывает Борис Кузьмич. — Андрей всё сделал сам. Советовался и делал. Вкус у него отменный...

Не один старинный кирпич Андрей отчистил вручную. Отстроил просторный и красивый дом, где каждый переплёт на окошке — в стиле и духе нужного времени. Друг семьи, москвич, художник-архитектор Илья Путятин до сих пор удивляется, как Андрей поднял дом из руин, спас образец деревянной городской архитектуры XIX века.

А Борис Кузьмич теперь на службе у приёмного сына, водит в музей экскурсии. Ему, инженеру старой советской закалки, до сих пор не вполне понятно, как такой меланхолик,

как Андрей, проворачивает большие дела, и всё у него ладится. Спокойно и тихо, не разводя лишней суеты, Андрей вместе с компаньоном Димой Никишкиным открыл второй музей — Дом чайника — и антикварную лавку, поддерживает материнскую картинную галерею «Дом художника». Везде набрал штат — людей, за пропитание которых в этом нещедром на рабочие места городке отвечает. У Воробьёва есть проект третьего музея, но что он для него насобирает, пока не рассказывает.

Вызовите «скорую»!

с. 60 — Был я в Пензе, — со значением вспоминает Борис Кузьмич Абрашкин. — Зашёл в один музей, в другой — не понравилось. Холодно как-то, мертво...

Перед входом в Музей утюга висит объявление: «Без фотоаппарата не входить!» Деньги за посещение опускают, как в церковный ящик — кто сколько сможет. Никакой чопорности и чинности.

Но ведь это утюги! А как избежать чинности в солидном, государственном музее, где хранятся большие ценности и воздух напоен трепетом, исходящим от полотен, например, Рембрандта? Не станут же там цыганочку плясать перед посетителями! На что Илья Путятин возражает: музей музею рознь.

Эрмитаж — он живой, картины и вещи в нём вписываются в дворцовый быт, а мёртвые собрания неизвестно кому нужны, кроме их хранителей.

Спорный, конечно, вопрос. Но бесспорно то, что частному Музею утюга в живости никак не откажешь. До того они его одушевили, что собственная Баба-яга, которая сидит перед входом, а на ночь и в непогоду её заносят в помещение, не раз до смерти пугала сотрудников. Андрей признается:

с. 61 — Был уже вечер. В музее — никого. Стал подниматься по лестнице на второй этаж, и вдруг — старуха сидит! Я чуть не умер.

На Бабу-ягу, уже вторую по счёту (первая, которую сшили музейные девочки, обветшала, но выбросить её не посмели, отправили на пенсию), неожиданно наткнулся и Борис Кузьмич. А одна сердобольная бабушка, что шла по улице Советской и увидела валявшуюся во дворе старушку, вызвала ей «скорую». Как все смеялись, когда выяснилось, что это музейный экспонат сдуло ветром со стула!

Весь первый этаж завален и завешан сувенирами. От множества мелких вещиц, поделок, скульптурок, колокольчиков, свистулков, игрушек, картин, кукол и, конечно, утюжков в глазах рябит. Андрей и Жанна Алексеевна собирают поделки со всей области и даже заказывают мастерам из далёких краёв. Худо-бедно, а эта торговля помогает содержать музей и кормит бедных художников. Стоят сувениры недорого, орава туристов, вывалившихся из автобуса, обязательно приобретает что-то на память. По воскресеньям, случается, приезжает по десять автобусов, а когда народу поменьше, музейные девушки вяжут и шьют кукол из лоскутков.

Лена и Ольга чрезвычайно приветливы. На их лицах — ни малейшего налёта официальной скуки, от которой и посетители впадают в спячку. Невозможно не заслушаться байками Бориса Кузьмича, когда он рассказывает о старинном обряде похорон мухи и казни таракана с помощью угольного утюга.

Здравствуйтесь, Лев Николаевич!

Борис Кузьмич раскопал и историю утюга, про который ни единой монографии не написано. Вот что удалось выяснить. Первый русский утюг и на утюг-то непохож. Назывался он врубель, напоминал фрагмент стиральной доски, а гладили им так: на папку наматывали ткань и катали её ребристым деревянным врубелем. Как выяснил Андрей в своих путешествиях по краю, все переславские бабушки когда-то гладили врубелем.

Настоящий утюг изобрели китайцы. Известен он на родине шёлка уже две с половиной тысячи лет. А первое упоминание о русском утюге Борис Кузьмич нашёл в книге расходов царского двора от 1636 года: «Кузнецу Ивашке Трофимову выдано пять алтын, дабы он заделал утюг железный для царской палаты».

Андрей насобиравал 230 разных экземпляров разных утюгов, а Борис Кузьмич их классифицирует. Железные, чугунные и бронзовые утюги пришли в наш быт в эпоху Петра Первого. Их отливали или ковали, по воле мастера придавая им форму льва, кита и корабля. Просуществовал цельнометаллический утюг вплоть до 1967 года, размер, вес, дизайн в сущности не изменились со времён Ивашки Трофимова.

Угольный утюг был знаком достатка и благополучия, его ставили на видное место рядом с самоваром, чтобы все смотрели и завидовали. Одна местная бабушка рассказывала: «Не хотелось мне замуж идти в чужую деревню, а мать уговаривала: „Иди, дочка, в том доме есть угольный утюг!“» Угольный утюг был сложнее в изготовлении и дороже чугунной отливки. Он со временем усовершенствовался, обзавёлся трубой, колосниковыми решётками и стал напоминать миниатюрную печку, в которую закладывали берёзовые угольки.

Когда Андрею на глаза попался утюг с рельефным портретом бородастого старца на подувале, он был безмерно удивлён — лицо знакомое! Борис Кузьмич долго изучал наспуленный взгляд из-под бровей, характерные скулы, могучий нос... Вывод был непостижим, но очевиден: перед нами граф Лев Николаевич Толстой. Откуда он взялся на утюге? Случайно? Позже коллекция пополнилась и другими чугунными утюгами со Львом Толстым, которого узнавали даже школьники, не читавшие «Войну и мир». Стало быть, это не причуда одного мастера — смекнули собиратели. Можно предположить, что литейщики подшутили над великим писателем, преданным православной церковью анафеме, поместив его рельефный портрет в самый низ печи — подобия ада. Шутка понравилась — так и пошло. «Толстовских» утюгов в музее несколько, стало быть, в дореволюционной России их были тысячи тысяч. Знал ли об этом граф? Вопрос остаётся открытым...

с. 62

Блошиный рынок

Коллекцию Андрея — утюги, чайники, кофейники, самовары, прялки, ухваты, пузатые буфеты, дубовые комоды, медные тазы, ступки, подсвечники и множество других предметов ушедшего быта — можно собирательно назвать блошиным рынком. Ещё не так давно эти вещи были никому не нужны. Они раздражали взор в чистеньких квартирах новостроек, не нравились наследникам, и при смене поколений отправлялись на помойку. Дольше сохранились в деревнях, где не было новостроек и где у старухи не так-то просто отобрать гордость её приданого — угольный утюг. Но тоже постепенно ссылались на чердаки и в сараи, исчезали из светлых горниц, с глаз долой.

Первыми опомнились две столицы, потом большие города, где проснулся интерес к этим обычным, не представляющим музейной ценности вещам. Многие поняли и залюбовались тем, с каким тщанием и неторопливой любовью они сделаны. Началась мода на старую утварь. Процесс шёл как от падения камня в воду — кругами, от Москвы до окраин, где в глухих уголках на чердаках ещё осталось полно этого «хлама». Каким-то чудом и сейчас ещё удаётся что-то «нарыть». Андрей без обиняков называет себя старьёвщиком. Однажды он со своим компаньоном Димой Никишкиным поехал в Ярославль по делам, ребята прихватили Жанну Алексеевну, у которой тоже были хлопоты в областном центре. Вечером Андрею позвонили — в городе Мышкин есть какой-то необычайный утюг! На дворе была зима, метель, почти ночь, а до места сто километров.

— Поедем? — спросил Андрей маму. И они поехали.

Утюжок оказался бронзовый, в псевдорусском стиле, они его, конечно, купили, а уж как добились домой — другая история. Главное, с победой.

В Москве каждый год на Тишинке проходит выставка-ярмарка «Блошиный рынок». Андрей Воробьёв приезжает сюда, продаёт дубликаты своей коллекции. А прошлым летом Воробьёва с его утюгами пригласили составить компанию старинным автомобилям. Выставка проходила на знаменитой Рублёвке, зрители были непростые, но Андрей со своими утюгами не стушевался, получил, между прочим, диплом «За вклад в сохранение технической культуры России».

Много чего рухнуло, погибло, рассеялось по свету со времён перестройки, но много чего и возникло как будто бы из ничего, на голом месте. Ежегодно в стране открывается более ста частных музеев. И на этих островках культуры дышит жизнь.

Вопросы сходства

Жанна Алексеевна справедливо считает, что страсть к собирательству у Андрея от неё. Сама она не только любит и ценит живопись, устраивая в своей галерее чудные камерные выставки, на которые съезжаются художники и знакомые из Москвы. У Жанны Алексеевны, в прошлом преподавателя химии в колледже, собирательство — пунктик. Она питает нежность к вещам и совсем не ценным, часто совершенно бесполезным в хозяйстве. Не в силах выбросить кузнецовскую чашку с трещиной или одинокий мельхиоровый подстаканник. До сих пор с печалью вспоминает про патефон и бутылки толстого стекла, что остались на чердаке их бывшего дома.

А Борис Кузьмич обожает всё выбрасывать, чтобы ни вещички лишней под руку не попало. Если жена не углядит, муж тайком пошарит по углам и вынесет старьё на помойку. Младший сын Женя тоже не терпит «барахла». Такие противоречивые менталитеты в семье.

Раньше беспрекословным главой в доме был Борис Кузьмич. Его авторитета и сейчас никто не оспаривает, но жизнь течёт, всё меняется, на шахматном поле судьба переставляет фигурки в новом порядке. Не всё Борису Кузьмичу по нраву...

— Он меня со свету сживал за старую печь-буржуйку. Всё ворчал, всё ехидничал. А я купила лучшую на свете печку — профессора Бутакова! — гордится Жанна Алексеевна.

В суровые морозы прошедшей зимы профессорская печь отапливала два этажа и не дала замёрзнуть сотрудникам, посетителям и утюгам. Но зима кончилась, а весной Жанна Алексеевна забывает про всё на свете — из земли лезут толстые ростки тюльпанов и нарциссов. Теперь всё её сердце на долгое лето принадлежит цветнику рядом с домом. Затормозите на трассе по дороге в Ярославль у Музея утюга. Ошибиться трудно — у входа сидит Баба-яга, а во дворе цветут лилии.